

Тайна Желтой комнаты. Заколдованное кресло

Мадемуазель Станжерсон, дочь известного ученого, подверглась нападению у себя дома. Двери и окна ее комнаты были заперты изнутри, но злодей проник в помещение, а затем скрылся, словно растворился в воздухе. 18-летний репортер Жозеф Рультабий дерзает распутать это дело, бросая вызов гению сыска Фредерику Ларсану. («Тайна Желтой комнаты»).

Трое претендентов на кресло во Французской Академии гибнут при странных обстоятельствах. Удастся ли наказать их убийцу, орудия которого не нож и пистолет, а ультра-лучи, запахи и мертвящая песня? («Заколдованное кресло»).

ТОЛЬКО

ИГРА

НАЧИНАЕТСЯ

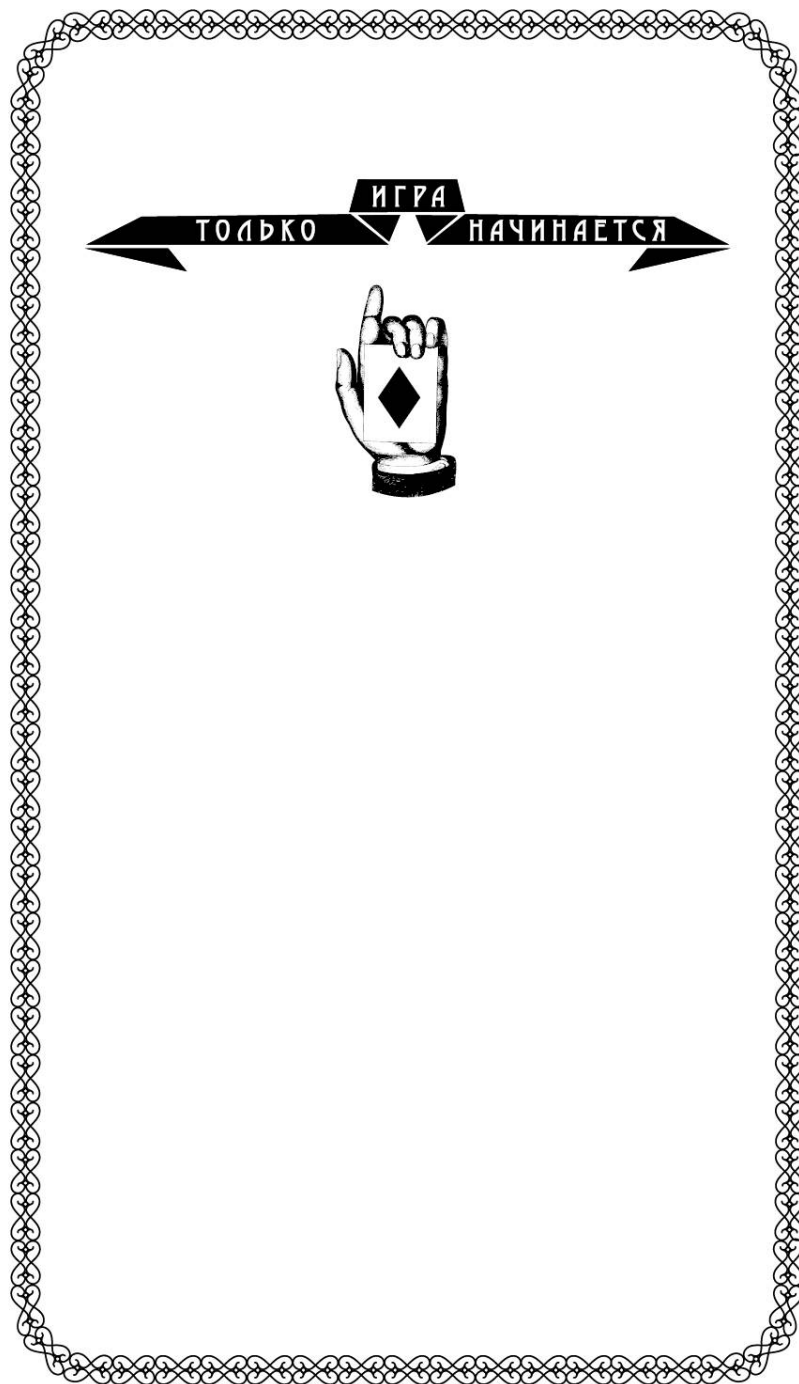
ГАСТОН ЛЕРУ

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ

ЗАКОЛДОВАННОЕ КРЕСЛО

КСД

ИГРА
ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

ГАСТОН ЛЕРУ

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ
—•—
ЗАКОЛДОВАННОЕ КРЕСЛО

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9112-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с французского *Н. А. Световидовой, Л. Н. Ефимова*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

Мадемуазель Станжерсон, дочка відомого вченого, зазнала нападу у себе вдома. Двері і вікна її кімнати були замкнені зсередини, але лиходій проник до приміщення, а потім зник, немов розчинився в повітрі. 18-річний репортер Жозеф Рультабій дерзає розплутати цю справу, кидаючи виклик генієві розшуку Фредеріку Ларсану. («*Таємниця Жовтої кімнати*»).

Трое претендентів на крісло у Французькій Академії гинуть за дивних обставин. Чи вдасться покарати їх убивцю, знаряддя якого не ніж і пістолет, а ультра-промені, запахи і пісня, що вбиває? («*Зачароване крісло*»).

Леру Г.

Л49 Тайна Желтой комнаты. Заколдованное кресло : романы / Гастон Леру ; пер. с фр.

Н. А. Световидовой, Л. Н. Ефимова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 448 с. — (Серия «Игра только начинается»)

ISBN 978-617-12-8652-8 (серия)

ISBN 978-617-12-8865-2

Мадемуазель Станжерсон, дочь известного ученого, подверглась нападению у себя дома. Двери и окна ее комнаты были заперты изнутри, но злодей проник в помещение, а затем скрылся, словно растворился в воздухе. 18-летний репортер Жозеф Рультабий дерзает распутать это дело, бросая вызов гению сыска Фредерику Ларсану. («Тайна Желтой комнаты»).

Трое претендентов на кресло во Французской Академии гибнут при странных обстоятельствах. Удастся ли наказать их убийцу, орудия которого не нож и пистолет, а ультра-лучи, запахи и мертвящая песня? («Заколдованное кресло»).

УДК 821.133.1

© Световидова Н. А., перевод на русский язык, 2021

© Ефимов Л. Н., перевод на русский язык, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава I, в которой начинаешь ничего не понимать

Не без некоторого волнения начинаю я повествование о необычайных приключениях Жозефа Рультабия, который до сего дня решительно противился этому, так что в конце концов я уже отчаялся рассказать когда-нибудь об одной из любопытнейших полицейских историй последних пятнадцати лет. Мне даже думается, что широкая публика так никогда бы и не узнала всей правды об этом удивительном деле, известном под названием «Желтая комната» и породившем столько таинственных, жестоких и поразительных драм, к которому мой друг имел самое непосредственное отношение, если бы по случаю недавнего награждения знаменитого Станжерсона орденом Почетного легиона одна вечерняя газета не поместила жалкую в своем неведении или исполненную дерзкого вероломства статью, воскрешавшую ужасную историю, которую, по словам самого Жозефа Рультабия, лучше было бы навсегда предать забвению.

«Желтая комната»!.. Кто помнит теперь об этом деле, заставившем лет пятнадцать тому назад пролиться столько чернил? В Париже так быстро все забывается! Разве не кануло в вечность само название Найского процесса и трагическая история гибели малыша Менальдо? А между тем в ту пору общественное мнение было буквально приковано к судебному разбирательству этого дела, и потому даже разразившийся тем временем правительственный кризис прошел никем не замеченным. Так вот процесс по делу «Желтой комнаты», предшествовавший Найскому процессу, наделал еще больше шума. Весь мир в течение долгих месяцев бился над разрешением непостижимой загадки — самой непостижимой, насколько я знаю, из всех, когда-либо предложенных нашей полиции, и посланной, казалось, для испытания ее проницательности и совести наших судей. Решения этой вызывающей полную растерянность загадки искали все. Это был своего рода драматический ребус, над которым усердствовали и старушка Европа, и юная Америка. Ибо в действительности — я могу себе позволить такое замечание, не опасаясь нанести оскорбления авторскому самолюбию, так как всего лишь излагаю факты, на которые мне поможет пролить свет исключительная

документация, какой я располагаю, — так вот, в действительности ни реальная жизнь, ни воображение, даже если обратиться к автору «Убийства на улице Морг» или к изобретательным последователям Эдгара По, а то и к ярким подражателям Конан Дойла, не могут подсказать что-либо подобное этой тайне, естественной тайне Желтой комнаты.

И, представьте себе, разгадку, которую никто не мог отыскать, предложил нам юный Жозеф Рультабий, а было ему в то время всего восемнадцать лет, и работал он скромным репортером в одной солидной газете. Однако, когда он явился в суд с ключом от этой тайны, он рассказал не всю правду, а только то, что требовалось для того, чтобы «объяснить необъяснимое» и оправдать невиновного. Причины, заставлявшие его тогда молчать, сегодня исчезли. Мало того, теперь мой друг просто обязан говорить, и потому вы узнаете все. Так что без дальних предисловий я изложу вам загадку Желтой комнаты в том виде, в каком она предстала перед всем миром на другой день после несчастья, случившегося в замке Гландье.

25 октября 1892 года в последнем выпуске газеты «Тан» появилась заметка следующего содержания:

«Ужасное преступление совершено в замке Гландье, расположенном над Эпине-сюр-Орж, на опушке леса Святой Женевьевы. Минувшей ночью, в то время когда хозяин замка, профессор Станжерсон, работал в своей лаборатории, кто-то пытался убить мадемуазель Станжерсон, отдыхавшую в комнате, прилегающей к этой лаборатории. Врачи не ручаются за жизнь мадемуазель Станжерсон».

Вообразите себе волнение, охватившее Париж. Уже в ту пору ученый мир с огромным интересом следил за работами профессора Станжерсона и его дочери. Это были первые исследования в области рентгенографии, они-то и привели впоследствии господина и госпожу Кюри к открытию радия. К тому же в тот момент с нетерпением ожидали выступления профессора Станжерсона в Академии наук, где он должен был читать сенсационный доклад, посвященный его новой теории: *распад материи* — теории, призванной до основания пошатнуть всю официальную науку, которая с давних пор базируется на принципах, вытекающих из закона сохранения веса веществ и закона сохранения и превращения энергии.

На следующий день об этой драме писали все утренние газеты. «Матен», например, опубликовала следующую статью, которая называлась «Сверхъестественное преступление»:

«Вот скудные сведения, — писал корреспондент газеты “Матен”, пожелавший остаться неизвестным, — которыми мы располагаем относительно преступления в замке Гландье. Состояние отчаяния, в котором пребывает профессор Станжерсон, невозможность услышать показания самой жертвы — все это крайне затрудняет дело, мешая и нам, и правосудию проводить расследование, поэтому в настоящий момент просто невозможно хоть в какой-то мере представить себе то, что произошло в Желтой комнате, где на полу, в ночной сорочке, нашли жалобно стонавшую мадемуазель Станжерсон. Однако нам удалось расспросить папашу Жака — так называют в округе старого слугу семейства Станжерсон. Папаша Жак вошел в Желтую комнату вместе с профессором. Эта комната соседствует с лабораторией. Лаборатория и Желтая комната находятся во флигеле в глубине парка, примерно в трехстах метрах от замка.

— Было половина первого, — рассказывал нам этот славный (?) человек, — я находился в лаборатории, где все еще работал господин Станжерсон, тут-то все и началось. Весь вечер я мыл и раскладывал инструменты, дожидаясь, пока господин Станжерсон отправится спать. Мадемуазель Матильда работала со своим отцом до полуночи; когда же стенные часы в лаборатории пробили двенадцать, она встала, поцеловала господина Станжерсона и пожелала ему спокойной ночи. А мне сказала: “Доброй ночи, папаша Жак” — и открыла дверь в Желтую комнату. Мы слышали, как она заперла эту дверь на ключ, да еще на задвижку, так что я, не удержавшись от смеха, сказал своему господину: “Ну вот, мадемуазель запирается на два запора. Не иначе как она боится Божьей твари!” Но господин даже не услышал меня — так он был занят работой. Зато снаружи в это время донеслось отвратительное мяуканье, я тотчас узнал голос Божьей твари — поверите ли, от него мороз подирает по коже... “Неужели и сегодня нам не спать из-за нее?” — подумал я. Потому что, надо вам сказать, сударь, я до конца октября живу наверху во флигеле, как раз над Желтой комнатой, чтобы не оставлять мадемуазель совсем одну ночью в парке. Это идея мадемуазель — жить в хорошую погоду во флигеле, он ей кажется веселее, чем замок, и вот уже четыре года, с тех пор как

его построили, она каждую весну переселяется туда. А когда наступает зима, мадемуазель возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина.

Так вот, стало быть, мы с господином Станжерсоном оставались во флигеле. Сидели мы тихо. Он за письменным столом, а я на стуле. Работу свою я уже закончил, поэтому просто глядел на него и думал: “Какой человек! Какой ум! Какой светлый ум!” Мне кажется это важным — то, что мы не делали никакого шума, потому что из-за этого убийца наверняка и решил, что мы уже ушли. И вдруг — часы как раз пробили полпервого — в Желтой комнате раздался отчаянный крик. Это был голос мадемуазель, она кричала: “Спасите! Спасите! Помогите!” Тут послышались выстрелы из револьвера, потом грохот перевернутого стола, опрокинутой мебели, как во время борьбы, и снова голос мадемуазель, кричавшей: “Спасите!.. Помогите!.. Папа! Папа!”

Вы, конечно, понимаете, что мы сразу же бросились туда — господин Станжерсон и я, — мы навалились на дверь. Но увы! Она была заперта, как я вам уже говорил, крепко заперта *изнутри* самой мадемуазель на ключ, да еще на задвижку. Мы пытались расшатать ее, но дверь была прочной. Господин Станжерсон совсем обезумел, и, по правде говоря, было от чего обезуметь, потому что мы слышали, как стонала мадемуазель: “Помогите!.. Помогите!..” И господин Станжерсон изо всех сил колотил в дверь, и плакал от бешенства, и рыдал от отчаяния и своей беспомощности.

И тут меня словно осенило. “Убийца, наверное, проник через окно, — решил я, — надо бежать к окну!” И я, как одержимый, бросился бегом из флигеля!

Только, к несчастью, окно-то Желтой комнаты выходит в поле, так что ограда парка, которая упирается во флигель, мешала мне сразу же очутиться у этого окна. Чтобы добраться до него, сначала надо было выйти из парка. Я помчался к воротам и встретил по дороге Бернье и его жену, сторожей, которых всполошили выстрелы и наши крики. Я в двух словах рассказал им о том, что произошло, и велел сторожу немедленно бежать на помощь господину Станжерсону, а его жене — идти со мной, чтобы открыть ворота парка. Через пять минут мы с ней уже были у окна Желтой комнаты. Ярко светила луна, поэтому я сразу увидел, что окно не тронут. Не только решетка была цела, но и ставни

за решеткой оказались закрыты, я ведь сам их запер еще вечером, как делал это обычно, хотя мадемуазель, зная, до чего я устал и заработался, просила, чтобы я не беспокоился, что она сама их закроет. Так что они тоже были нетронуты и закреплены моими стараниями железной щеколдой изнутри. Выходит, убийца залез не через окно и убежать отсюда не мог, но зато и я тоже не мог проникнуть в комнату!

Вот уж истинное несчастье! Голову впору было потерять от всего этого. Дверь комнаты заперта на ключ изнутри, ставни единственного окна тоже заперты изнутри, а поверх ставен — нетронутая решетка, решетка, сквозь которую и руку не просунешь... А мадемуазель звала на помощь!.. Или, вернее, нет, ее уже не было слышно... Может, ее и в живых-то не было... Зато я слышал, как в глубине флигеля мой господин все еще пытался сокрушить дверь...

Мы бросились обратно — жена сторожа и я, — и вот мы уже во флигеле. Дверь по-прежнему не поддавалась, несмотря на яростные удары господина Станжерсона и Бернье. Потом в конце концов она все-таки уступила под нашим бешеным натиском — и что же мы увидели? А надо вам сказать, что сторож, стоявший сзади, держал лабораторную лампу, та была мощной и освещала всю комнату.

И еще, сударь, чтоб не забыть: Желтая комната совсем крохотная. Мадемуазель поставила туда железную кровать — довольно широкую, — маленький стол, тумбочку, туалетный столик и два стула. Поэтому в ярком свете лампы мы сразу же все разглядели. Мадемуазель в ночной сорочке лежала на полу среди невысказанного беспорядка. Опрокинутые столы и стулья говорили о том, что здесь шла страшная баталия. Мадемуазель, наверное, вытащили из кровати, бедняжка была вся в крови, с ужасными следами от ногтей на шее — кожа на шее, можно сказать, была содрана этими ногтями, и на правом виске — ранка, из которой текла струйка крови, так что на полу образовалась небольшая лужица. Когда господин Станжерсон увидел свою дочь в таком состоянии, он бросился к ней с отчаянным криком, на них больно было смотреть. Удостоверившись, что несчастная еще дышит, он занялся только ею. А мы... Мы стали искать преступника, того самого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, если бы мы нашли его, то уж мы бы с ним рассчитались, можете не сомневаться. Только его там не было. Как это объяснить, не

знаю. И когда он мог убежать?.. Это выше всякого понимания. Под кроватью — никого, за столами и стульями — никого. В общем, нигде и никого! Мы обнаружили только его следы — кровавые отметины широкой мужской руки на стенах и на двери, большой носовой платок без всяких инициалов, покрасневший от крови, старый берет да еще свежий отпечаток мужской ноги во многих местах на полу. У человека, который побывал здесь, была большая нога, его каблуки оставили после себя нечто вроде черноватой сажи или нагара. Откуда появился здесь этот тип? Куда он исчез? Не забывайте, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Убежать через дверь он не мог, она слишком узкая, к тому же на пороге стоял сторож со своей лампой, а потом мы со сторожем искали убийцу на этом крохотном квадрате комнаты, где просто невозможно спрятаться и где в конечном счете мы так никого и не нашли. За выбитой и прислоненной к стене дверью спрятаться тоже было нельзя, но мы все-таки проверили. Через запертое окно с закрытыми ставнями и нетронутой решеткой убежать и вовсе было немыслимо. В таком случае... Словом, я уже приготовился поверить в дьявола.

Но тут на полу мы нашли *мой револьвер*. Да-да, мой собственный револьвер... И это вернуло меня к действительности! Чтобы убить мадемуазель, дьяволу незачем было красть у меня револьвер. А вот человек, который был здесь, сначала поднялся ко мне на чердак, взял в моем ящике револьвер и воспользовался им со злым умыслом. Проверив патроны, мы обнаружили, что убийца стрелял дважды. Согласитесь, сударь, что при таком-то несчастье мне еще повезло: когда все началось, господин Станжерсон находился тут, в своей лаборатории, и собственными глазами видел, что я тоже был рядом, а не то вся эта история с револьвером... куда бы она нас завела? По моему, я уже угодил бы за решетку. У судей разговор короткий, им ничего не стоит отправить человека на виселицу!»

Это интервью корреспондент газеты «Матен» сопровождал такими строками:

«Мы дали возможность папаше Жаку, не прерывая его, рассказать нам в общих чертах то, что ему известно о преступлении в Желтой комнате. Мы воспроизвели его рассказ слово в слово, опустив лишь — из сострадания к читателю — бесконечные причитания, которыми он сдабривал свое повествование. Конечно, ну конечно же, папаша Жак!

Конечно, вы любите своих хозяев! Вам хочется, чтобы все об этом узнали, и вы неустанно повторяете это, особенно после того, как обнаружили револьвер. Конечно, это ваше право, и никто с этим не спорит! Разумеется, нам хотелось бы задать папаше Жаку — Жаку-Луи Мустье — еще несколько вопросов, но в этот момент за ним как раз прислал судебный следователь, продолжавший допрос в большом зале замка. Проникнуть в замок Гландье нам так и не удалось, что же касается дубравы, то ее, взяв в кольцо, ревностно стерегут полицейские, охраняя каждый след, ведущий к флигелю, ведь он может оказаться следом убийцы.

И, само собой разумеется, нам хотелось бы порасспросить и сторожа, и его жену, но их нигде не было видно. Тогда мы решили заглянуть в маленькую харчевню, расположенную неподалеку от входа в замок, чтобы дожидаться там появления господина де Марке, судебного следователя из Корбе. В половине шестого мы и в самом деле увидели его вместе с судебским секретарем. Прежде чем он успел сесть в машину, нам удалось задать ему следующий вопрос:

— Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам некоторые сведения относительно этого дела, при условии, конечно, что это не повредит расследованию?

— К сожалению, мы ничего не можем сказать, — ответил господин де Марке. — Пожалуй, это самое странное из всех известных мне дел. Едва нам начинает казаться, будто мы что-то узнали, как тут же выясняется, что мы ровным счетом ничего не знаем!

Мы попросили господина де Марке оказать любезность и объяснить свои последние слова. Вот что он ответил на это, и, думается, важность его заявления трудно переоценить:

— Если к вещественным доказательствам, собранным на сегодняшний день следствием, ничего не прибавится, боюсь, что тайна, окутывающая гнусное покушение, жертвой которого стала мадемуазель Станжерсон, прояснится нескоро. Однако во имя здравого смысла не следует терять надежды на то, что зондаж стен, потолка и пола Желтой комнаты, зондаж, к которому я приступлю с завтрашнего дня вместе с подрядчиком, построившим четыре года - назад этот флигель, принесет нам неоспоримое доказательство того, что никогда не надо терять веры в логику вещей. Ибо проблема состоит в следующем: мы знаем, каким путем убийца вошел: он вошел

через дверь и спрятался под кроватью в ожидании мадемуазель Станжерсон. Но каким путем он вышел? Как ему удалось бежать? Если не отыщется ни трапа, ни скрытой двери, ни тайника, ни вообще какого-нибудь отверстия, если исследование стен и даже их разрушение — ибо я готов, равно как и господин Станжерсон, пойти даже на разрушение флигеля — не откроют никакого возможного прохода *не только для человеческого существа, но вообще для любой живой твари*, если в потолке нет дыры, если пол не скрывает подземелья, остается только «поверить в дьявола», как говорит папаша Жак!»

И неизвестный корреспондент замечает в своей статье — статью эту я выбрал как наиболее интересную из множества других, опубликованных в тот же день и по тому же поводу, — что судебный следователь, похоже, не без умысла привел эту последнюю фразу: «Остается только “поверить в дьявола”, как говорит папаша Жак!»

Статья заканчивается такими словами:

«Мы поинтересовались, что папаша Жак подразумевал под криком Божьей твари. Как объяснил нам хозяин харчевни “Донжон”¹, имеется в виду особо зловещий крик, который порою издает по ночам кот одной старой женщины, прозванной Молитва. Матушка Молитва — это своего рода святая — живет в хижине, в глухом лесу, неподалеку от пещеры Святой Женеьевы.

Желтая комната, Божья тварь, матушка Молитва, дьявол, праведница Женеьевы, папаша Жак — вот чем опутано преступление, которое завтра поможет раскрыть удар заступа в стены, будем, по крайней мере, на это надеяться “во имя здравого смысла”, как говорит судебный следователь. Ну а пока имеются серьезные опасения, что мадемуазель Станжерсон, которая никак не может прийти в себя и отчетливо повторяет в бреду одно только слово: “Убийца! Убийца! Убийца!” — не доживет до утра...»

В заключение та же газета возвещала, что начальник полиции просил знаменитого инспектора Фредерика Ларсана, уехавшего в Лондон для расследования дела о ценных бумагах, немедленно вернуться в Париж.

¹ *Донжон* (фр.) — главная сторожевая башня в средневековом замке, в которой часто размещались и жилые покои хозяина. — *Здесь и далее прим. перев., если не указано иное.*

Глава II, в которой впервые появляется Жозеф Рультабий

Я до сих пор помню, словно это было вчера, хотя миновало несколько лет, как ко мне в комнату вошел в то утро юный Жозеф Рультабий. Было около восьми часов, я еще лежал в постели и читал статью в «Матен» о преступлении в замке Гландье.

Но прежде всего позвольте представить вам моего друга.

С Жозефом Рультабием я познакомился, когда он был неизвестным репортером. В ту пору я только поступил в адвокатуру и мне частенько случалось встречаться с ним в судейских кулуарах, когда я приходил просить разрешения связаться с Мазасом или Сен-Лазаром. Рожца у него была славная, а голова — круглая, как шар, и сам он был очень подвижный; думается, из-за этого-то его приятели газетчики и дали ему прозвище Рультабий, что означает: «Кати свой шарик». «Ты не видел Рультабия?.. Да вот он, чертенок Рультабий!..» Он часто краснел, как помидор, и бывал то чересчур веселым, то чересчур серьезным. Как в таком юном возрасте — когда я увидел его впервые, ему минуло шестнадцать с половиной лет — ухитрялся он зарабатывать себе на жизнь газетным ремеслом? Таким вопросом могли задаваться только те, кто, познакомившись с ним, не знал о том, как он начинал. Во время следствия по делу о женщине с улицы Оберкампф, разрезанной на куски, — еще одна начисто забытая история, — он принес главному редактору «Эпок», газеты, соперничавшей по части информации с «Матен», левую ногу несчастной жертвы, которой недоставало в корзинке, где обнаружены были мрачные останки. Эту левую ногу полиция безуспешно разыскивала целую неделю, а юный Рультабий нашел ее в сточной канаве, куда никому не пришло в голову заглянуть. Ради этого ему понадобилось наняться чистильщиком канализации в наскоро сформированную бригаду, которую городские власти Парижа направили на ликвидацию последствий небывалого подъема уровня воды в Сене.

Став обладателем столь ценной находки и поняв к тому же, с помощью каких сложных дедуктивных умозаключений этот мальчик нашел путь к ней, главный редактор испытывал непередаваемое восхищение, которое вызвала у него пронизательность

шестнадцатилетнего юнца — ей мог бы позавидовать любой изощренный в своем деле полицейский, — и радость от того, что мог выставить на всеобщее обозрение в «морг-витрине» газеты «левую ногу с улицы Оберкампф».

— С этой ногой, — воскликнул он, — я сделаю вот такой заголовок для статьи!

Затем, вручив жуткий сверток судебно-медицинскому эксперту, сотрудничавшему с газетой, он спросил юного незнакомца, на какое жалованье тот рассчитывает, если согласится стать репортером отдела судебной хроники.

— Двести франков в месяц, — скромно произнес молодой человек, чуть не задохнувшись от распиравшего его восторга: еще бы, такое неожиданное предложение!

— Вы получите двести пятьдесят, — ответил главный редактор, — но при одном условии: вы всем скажете, что работаете в редакции уже месяц. И давайте сразу договоримся: не вы обнаружили «левую ногу с улицы Оберкампф», а газета «Эпок». Запомните, мой дорогой: отдельная личность здесь — ничто, а газета — все!

Выразившись таким образом, он не стал более задерживать нового сотрудника, лишь пожелал узнать на прощание его имя.

— Жозеф Жозефен.

— Какое же это имя? — изумился главный редактор. — Это не имя. Впрочем, раз вы все равно не подписываетесь, это не имеет значения...

Новичок сразу же обзавелся множеством друзей, так как был услужлив и отличался веселым нравом. Это приводило в восторг самых брюзгливых и обезоруживало самых завистливых. В кафе адвокатуры, где обычно собирались репортеры, прежде чем отправиться в прокуратуру или префектуру на поиски своей ежедневной порции преступлений, он снискал себе репутацию смышленного малого, который в недалеком будущем (вот увидите!) наверняка доберется до кабинета самого начальника полиции. Когда подвертывалось стоящее дело и по приказу своего главного редактора Рультабий — к тому времени это прозвище уже прочно закрепилось за ним — вступал на военную тропу, ему нередко случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам.

Там-то, в кафе адвокатуры, мы с ним и познакомились. Адвокаты уголовной полиции и журналисты в общем-то никогда не враждуют,

так как одни нуждаются в рекламе, а другие в сведениях. Мы разговорились, и я сразу же проникся огромной симпатией к этому славному человечку по прозвищу Рультабий. Он отличался таким живым и оригинальным складом ума, такой совершенно особой манерой мыслить, какие я не встречал ни у кого.

Незадолго до этого мне было поручено вести судебную хронику в «Кри дю Бульвар». Моя причастность к журналистике не могла не укрепить и без того установившиеся между Рультабием и мной дружеские отношения. К тому же моему новому другу пришла мысль вести в газете «Эпок» небольшую рубрику, которая стала именоваться «Судебное дело», так что я часто давал ему всевозможные юридические справки, в которых он нуждался.

Прошло около двух лет, и чем ближе я узнавал его, тем больше любил, ибо понял: за внешней видимостью веселого чудачества скрывался необычайно серьезный для своего возраста человек. Более того, иной раз мне, привыкшему видеть его очень оживленным, а то и слишком веселым, доводилось наблюдать, как его вдруг охватывала глубокая печаль. Я пытался разузнать о причине столь внезапной перемены в его настроении, но он всякий раз снова начинал смеяться и ничего не объяснял. Однажды, когда я спросил его о родителях, о которых Рультабий ни разу не говорил, он вдруг внезапно ушел, сделав вид, будто не слышал моих слов.

Тем временем началось знаменитое дело Желтой комнаты, которое должно было выдвинуть его в ряды лучших репортеров и сделать его лучшим полицейским всего мира, — впрочем, теперь это двойное качество никого не удивляет, если принять во внимание, что уже тогда ежедневная пресса начала претерпевать изменения, превращаясь в то, чем стала ныне, — в хронику преступности. Люди мрачного склада ума могут сетовать по этому поводу сколько угодно, я же полагаю, что это отрадный факт. Ибо никакое оружие, будь то общественное мнение или что другое, никогда не окажется лишним в борьбе с преступностью. И на это мрачные умы не преминут возразить, что, мол, рассказывая о преступлениях, пресса тем самым как бы поощряет их. Что поделаешь? Есть люди — не правда ли? — которых никогда не переспоришь...

Итак, стало быть, Рультабий явился ко мне в то утро, а именно 26 октября 1892 года. Он покраснел еще больше обычного, глаза у него

горели, и весь он был охвачен необычайным волнением. Руки у него дрожали, когда, размахивая свежим номером «Матен», он крикнул мне:

— Ну как, мой дорогой Сенклер?.. Вы прочли?

— О преступлении в Гландье?

— Да! «Желтая комната»... Что вы об этом думаете?

— Гм, я полагаю, что это проделки дьявола или Божьей твари. Во всяком случае, преступление совершил кто-нибудь из них.

— Будьте серьезны, прошу вас.

— Так вот, признаюсь вам, что я не очень-то верю в преступников, которые проходят сквозь стены. На мой взгляд, папаша Жак напрасно оставил после себя преступное оружие, а так как он обитает над комнатой мадемуазель Станжерсон, архитектурная операция, которую предполагает начать сегодня судебный следователь, даст нам ключ к загадке, и мы в скором времени узнаем, при помощи какого естественного трапа или потайной двери этот «славный» человек смог ускользнуть, чтобы затем сразу же вернуться в лабораторию к господину Станжерсону, так ничего и не заметившему. Ну что вам еще сказать? Это одна из гипотез, не более!

Рультабий сел в кресло, закурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут безмолвствовал, пытаясь, вероятно, обуздать с недавнее его лихорадочное возбуждение, и только потом решил заклеить меня презрением.

— Молодой человек! — произнес он тоном, исполненным такой прискорбной иронии, что я даже не стану пытаться передать ее вам. — Молодой человек... вы адвокат, и я несколько не сомневаюсь в вашем таланте, который позволяет вам оправдывать виновных. Но представим себе, что в один прекрасный день вы вдруг станете судьей. С какой же легкостью вы будете осуждать безвинных людей!.. У вас воистину талант на это, молодой человек. — Он опять затянулся трубкой, потом продолжал: — Никакого трапа не найдут, и тайна Желтой комнаты день ото дня будет казаться все более непроницаемой. Вот почему она так заинтересовала меня. Судебный следователь прав: такого странного преступления никто и никогда еще не видывал...

— У вас есть какая-нибудь идея относительно того, каким способом убийце удалось скрыться? — спросил я.

— Никакой, — ответил Рультабий. — Пока — никакой... Но вот что касается револьвера, например... Револьвером убийца не пользовался...

— А кто же им пользовался, бог ты мой?

— Как кто? Конечно, мадемуазель Станжерсон...

— Я больше ничего не понимаю, — растерялся я. — Вернее, никогда не мог понять...

Рультабий пожал плечами:

— Вы ничему особо не удивились, прочитав статью в «Матен»?

— Да нет... Мне все показалось одинаково странным...

— Ну как же! А дверь, запертая на ключ?

— Это единственное правдоподобное место во всем рассказе...

— Да что вы! А задвижка?

— Задвижка?

— Задвижка, на которую была заперта дверь изнутри.

Представляете, какие меры предосторожности приняла мадемуазель Станжерсон! На мой взгляд, у мадемуазель Станжерсон имелись все основания кого-то бояться, поэтому она и пошла на такие меры. Мало того, она даже взяла револьвер у папаши Жака, не сказав ему об этом. Наверняка она не хотела никого пугать, а главное — не хотела беспокоить своего отца... То, чего опасалась мадемуазель Станжерсон, случилось, и она стала защищаться, началась баталия, и мадемуазель Станжерсон довольно ловко воспользовалась револьвером, ранив убийцу в руку, — этим-то и объясняется кровавый отпечаток мужской руки на стене и на двери, мужчина, видимо, пытался чуть ли не ощупью добраться до выхода и бежать; и все-таки стреляла она недостаточно быстро, потому что это не спасло ее от страшного удара, который пришелся ей по правому виску.

— Так, значит, мадемуазель Станжерсон ранили в висок не из револьвера?

— В газете об этом ничего не говорится, что же касается меня, то я убежден: револьвером, защищаясь от убийцы, воспользовалась мадемуазель Станжерсон. Теперь весь вопрос в том, какое оружие было у самого убийцы. Этот удар в висок свидетельствует, что убийца покушался на жизнь мадемуазель Станжерсон... попытавшись сначала задушить ее... Должно быть, убийца знал, что на чердаке живет папаша Жак, — это-то и заставило злодея, я думаю, прибегнуть к безмолвному оружию: к дубинке, например, или молотку...

— Все это, однако, не объясняет нам, каким образом убийца вышел из Желтой комнаты, — заметил я.

— Разумеется, — сказал, вставая, Рультабий. — И так как этому необходимо найти объяснение, я еду в замок Гландье, потому-то я и пришел за вами, хочу, чтобы вы поехали вместе со мной...

— Я?!

— Да, мой друг, мне требуется ваша помощь. Газета «Эпок» полностью доверила мне это дело, и надо как можно скорее разобраться в нем.

— Но чем же я полезен вам?

— Господин Робер Дарзак находится в замке Гландье.

— Верно... Его отчаяние, должно быть, не знает границ!

— Мне надо поговорить с ним...

Рультабий произнес эти слова довольно странным тоном, и это меня удивило.

— А разве... Разве вы надеетесь обнаружить что-нибудь интересное с этой стороны? — спросил я.

— Конечно.

Больше он ничего не пожелал мне сказать. Направившись в гостиную, он просил меня только поторопиться со сборами.

С господином Робером Дарзаком мне довелось познакомиться в суде, я был тогда секретарем мэтра Барбье-Делатура и сумел оказать ему как-то огромную услугу. В ту пору господину Роберу Дарзаку было лет сорок, он преподавал физику в Сорбонне и был тесно связан с семьей Станжерсонов: после семи лет настойчивых ухаживаний он наконец собирался вступить в брак с мадемуазель Станжерсон; к тому времени она была уже в возрасте (ей было лет тридцать пять), но все еще славилась своей красотой.

Продолжая одеваться, я кричал Рультабию, изнывавшему от нетерпения в гостиной:

— У вас есть какие-то предположения относительно личности убийцы, из какого он круга?

— Да, — отвечал Рультабий. — Мне кажется, он занимает довольно высокое положение и если не принадлежит к светскому обществу, то, во всяком случае... Правда, пока это всего лишь ощущение...

— А откуда у вас взялось такое ощущение?

— Это же ясно как божий день! — возразил молодой человек. — Грязный берет, вульгарный носовой платок и следы грубых башмаков на полу...

— Понимаю, — сказал я. — Никто не оставляет за собой столько следов, если они и в самом деле свидетельствуют об истине!

— Из вас, дорогой Сенклер, со временем выйдет толк! — заключил Рультабий.

Глава III «Человек, словно тень, прошел сквозь ставни»

Через каких-нибудь полчаса мы с Рультабием стояли уже на перроне Орлеанского вокзала и дожидались отхода поезда, который должен был доставить нас в Эпине-сюр-Орж. Мы видели, как прибыли следователи из Корбе в лице господина де Марке и его секретаря. Господин де Марке вместе со своим секретарем провел ночь в Париже, дабы иметь возможность побывать в театре на генеральной репетиции ревю, тайным автором которого он сам и являлся, выступая под псевдонимом Кастига Ридендо.

Господин де Марке постепенно превращался в благообразного старца. Он отличался учтивостью и отменным обхождением, единственной его страстью в жизни была неодолимая любовь к драматическому искусству. В суде же его по-настоящему интересовали только те дела, которые могли подбросить ему материал хотя бы на один акт. При всех своих связях, позволявших ему надеяться на самые высокие судебские посты, он, по правде говоря, никогда всерьез не работал, главной его заботой было театральное поприще, его манил романтический Порт-Сен-Мартен² или задумчивый Одеон³. Таковой идеал позволил ему на склоне лет занять всего лишь пост судебного следователя в Корбе да еще подписывать псевдонимом Кастига Ридендо непростительно маленький акт в Ла Скала.

Дело Желтой комнаты своей необъяснимостью, несомненно, должно было соблазнить столь... литературный ум. Оно, конечно, заинтересовало его, и господин де Марке готов был погрузиться в это дело не столько как судебный следователь, жаждущий докопаться до истины, сколько как любитель драматических головоломок, чьи помыслы целиком поглощены тайной интриги и который более всего страшится неотвратно надвигающегося конца последнего акта, где все находит свое объяснение.

Поэтому в момент нашей с ним встречи я слышал, как господин де Марке со вздохом сказал своему секретарю:

— Ах, мой дорогой господин Мален! Боюсь, как бы этот подрядчик не разрушил своим заступом такую прекрасную тайну!

— Не бойтесь, — отвечал господин Мален. — Его заступ способен разрушить флигель, но наше дело ему не под силу. Я простучал все стены, исследовал потолок с полом, а уж я в этом толк знаю. Меня не проведешь. Можете быть спокойны. Мы ничего не узнаем.

Утешив таким образом своего шефа, господин Мален кивком головы незаметно указал ему на нас. Тот нахмурился, а увидев приближавшегося Рультабия, который уже снимал шляпу, кинулся со всех ног к вагону и вскочил на подножку, успев вполголоса бросить своему секретарю:

— Никаких журналистов, ни в коем случае!

— Вас понял! — ответил господин Мален, решительно преградив дорогу Рультабию и попытавшись воспрепятствовать нашему проникновению в купе судебного следователя. — Прошу прощения, господа! Но это купе занято...

— Я журналист, сударь, один из ведущих корреспондентов газеты «Эпок», — молвил мой юный друг, расточая учтивые приветствия и поклоны. — Мне необходимо поговорить с господином де Марке.

— Господин де Марке очень занят расследованием порученного ему дела...

— О! Его расследование меня нисколько не волнует, смею вас уверить... Разве я похож на корреспондента, которого, кроме раздавленных собак, ничто не интересует? — с обидой спросил юный Рультабий, оттопырив нижнюю губу и выражая тем самым бесконечное презрение к литературе, описывающей всевозможные происшествия. — Я занимаюсь театральной хроникой... И так как сегодня вечером я должен написать заметку о ревью в Ла Скала...

— Входите, сударь, прошу вас, — поспешил пригласить его секретарь, освобождая путь.

Рультабий не заставил себя долго просить. Я последовал за ним в купе и сел рядом, секретарь тоже поднялся вместе с нами и закрыл за собой дверцу.

Господин де Марке вопросительно взглянул на своего секретаря.

— О сударь, — начал Рультабий, — не сердитесь на этого славного человека за то, что он решился нарушить запрет; дело в том, что я хотел бы удостоиться чести поговорить не с господином де Марке, а с господином по имени Кастига Ридендо! Позвольте мне в качестве театрального хроникера газеты «Эпок» поздравить вас.

И Рультабий, представив сначала меня, отрекомендовался затем сам.

Нервно поглаживая свою острую бородку, господин де Марке попытался объяснить Рультабию, что является весьма скромным автором и отнюдь не желает, чтобы его псевдоним разоблачали публично, он выразил надежду, что энтузиазм журналиста в отношении его драматургического творения не перейдет определенных границ, что он не станет разглашать его тайну, рассказав публике о том, что господин Кастига Ридендо есть не кто иной, как судебный следователь из Корбе.

— Мое драматургическое поприще, — добавил он не без некоторого колебания, — может повредить работе следователя... Особенно в провинции, где мы несколько поотстали и привыкли жить по старинке.

— О! Положитесь на меня! — воскликнул Рультабий, воздев руки к небу, словно призывая его в свидетели.

Поезд тем временем тронулся...

— Однако мы едем! — молвил судебный следователь, с удивлением констатируя, что мы едем вместе с ним.

— Да, сударь, истина тронулась в путь... — сказал, любезно улыбаясь, репортер. — В путь, к замку Гландье... Великолепное дело, господин де Марке, великолепное дело!

— Темное дело! Невероятное, непостижимое, необъяснимое дело... Но должен признаться, господин Рультабий, я боюсь только одного, а именно: что журналисты, желая найти ему объяснение, попробуют вмешаться...

Мой друг оценил этот ловко нанесенный прямой удар.

— Да, — сразу же согласился он, — этого следует опасаться... Они во все вмешиваются... Что же касается меня, то я говорю с вами по чистой случайности, господин судебный следователь, да, простой случай повинен в моей встрече с вами и привел меня, можно сказать, в ваше купе.

— Куда же вы направляетесь? — поинтересовался господин де Марке.

— В замок Гландье, — не дрогнув, ответил Рультабий.

Господин де Марке подскочил.

— Вам не удастся туда попасть, господин Рультабий!

— Вы этому воспротивитесь? — спросил мой друг, уже готовый к бою.

— Конечно, нет! Я слишком люблю прессу и журналистов, чтобы доставлять им хотя бы малейшие неприятности... Сам господин Станжерсон не желает никого видеть и закрыл свою дверь для всех. Поверьте, она надежно охраняется. Вчера ни одному журналисту не удалось переступить порог замка Гландье.

— Тем лучше, — возразил Рультабий, — зато мне это удастся.

Господин де Марке поджал губы, собираясь, видимо, хранить упорное молчание. Однако он немного смягчился, после того как Рультабий поведал ему без утайки, что мы едем в Гландье, дабы пожать руку «старинному и близкому другу», — так он назвал господина Робера Дарзака, которого едва знал.

— Бедняга Робер! — продолжал юный репортер. — Бедняга Робер! Он может не пережить этого... Он так любил мадемуазель Станжерсон!

— Горе господина Робера Дарзака и в самом деле велико, на него больно смотреть, — как бы против воли обронил господин де Марке.

— Однако не следует терять надежды на то, что мадемуазель Станжерсон удастся спасти...

— Будем надеяться... Ее отец сказал мне вчера, что, если она умрет, он последует за ней в могилу... Какая невосполнимая утрата для науки!

— Рана в висок очень серьезна, не так ли?

— Конечно! Но это неслыханная удача, что она оказалась не смертельной... Удар был нанесен с такой силой!

— Значит, мадемуазель Станжерсон ранили не выстрелом из револьвера, — заметил Рультабий, бросив на меня торжествующий взгляд.

Господин де Марке, казалось, сильно смутился.

— Я ничего такого не говорил, и не хочу ничего говорить, и ничего не скажу! — И он повернулся к своему секретарю, словно не желая нас больше знать.

Но от Рультабия не так-то просто было отделаться. Он снова придвинулся к судебному следователю, развернув перед ним газету «Матен», которую вытащил из кармана:

— И все же имеется одна вещь, господин судебный следователь, о которой я могу спросить вас, не проявляя излишней нескромности. Вы читали статью в «Матен»? Это же полный абсурд, не так ли?

— Ничего подобного, сударь...

— Как! В Желтой комнате есть только одно окно с решеткой, прутья которой остались нетронутыми, и одна-единственная дверь, которую вышибли, не найдя при этом убийцы!

— Все так и есть, сударь! Все так и есть! В этом-то все и дело!

Рультабий ничего больше не сказал, погрузившись в раздумья...

Прошло примерно с четверть часа.

Очнувшись наконец, он задал судебному следователю очередной вопрос:

— А какая прическа была в тот вечер у мадемуазель Станжерсон?

— Я что-то не понимаю вас, — удивился господин де Марке. — При чем тут это?

— Между тем это чрезвычайно важно, — возразил Рультабий. — Волосы у нее были причесаны на прямой пробор, не так ли? Я уверен, что в тот вечер, когда произошло несчастье, волосы у нее были причесаны на прямой пробор.

— Нет, господин Рультабий, вы ошибаетесь, — ответил судебный следователь. — В тот вечер волосы у мадемуазель Станжерсон были собраны и подняты вверх, на затылок... Вероятно, это ее обычная прическа... Лоб полностью открыт, могу вас заверить, ибо мы долго изучали рану. Крови на волосах не было, а с момента покушения прическу ее никто не трогал.

— Вы уверены в этом? Вы уверены, что в ночь покушения прическа у мадемуазель Станжерсон была не на прямой пробор?

— Совершенно уверен, — продолжал, улыбаясь, следователь. — Я, как сейчас, помню: пока я изучал рану, доктор говорил мне: «Какая жалость, что мадемуазель Станжерсон привыкла поднимать волосы вверх, на затылок. Если бы она носила прическу на прямой пробор, удар, который пришелся в висок, был бы смягчен». Странно, однако, что вы придаете этому такое значение...

— О! Если прическа у нее была не на прямой пробор, — простонал Рультабий, — к чему это приведет? К чему это нас приведет? Нет, надо узнать получше.

И он с отчаянием махнул рукой.

— А рана на виске ужасная? — снова спросил он через некоторое время.

— Ужасная.

— Каким же оружием ее нанесли?

— Это, сударь, секрет следствия.

— Вам удалось найти это оружие?

Судебный следователь не ответил.

— А следы на шее?

Тут судебный следователь охотно сообщил нам, что, по мнению доктора, смело можно утверждать: если бы убийца сжимал ей горло чуть подольше — всего на несколько секунд, — мадемуазель Станжерсон умерла бы от удушья.

— Дело в таком виде, как сообщает о нем «Матен», — продолжал настаивать Рультабий, — представляется мне совершенно необъяснимым. Можете ли вы сказать мне, господин следователь, какие еще выходы — я имею в виду окна и двери — есть во флигеле?

— Их всего пять, — ответил господин де Марке, смущенно покашливая. Все-таки ему было трудно устоять перед соблазном раскрыть всю невероятность и таинственность дела, которое он расследовал. — Их всего пять, причем в это число входит и дверь прихожей, единственная входная дверь флигеля, дверь, которая автоматически закрывается и не может быть открыта ни изнутри, ни снаружи иначе, как с помощью двух специальных ключей, которые постоянно хранятся у папаши Жака и господина Станжерсона. Мадемуазель Станжерсон ключ не нужен, так как папаша Жак проживает во флигеле, а днем она практически не расстаётся с отцом. Когда взламывалась дверь, ведущая в Желтую комнату, входная дверь в прихожей оставалась, как всегда, закрытой, и оба ключа от этой двери находились: один — в кармане у господина Станжерсона, другой — в кармане у папаши Жака. Что же касается окон во флигеле, то их всего четыре: единственное окно Желтой комнаты, два окна в лаборатории и одно в прихожей. Окно Желтой комнаты и окна лаборатории выходят в поле, и только окно прихожей смотрит в парк.

— Именно через это окно он и бежал из флигеля! — воскликнул Рультабий.

— Откуда вам это известно? — спросил господин де Марке, пристально глядя на моего друга.

— Позже мы узнаем, каким образом убийца смог уйти из Желтой комнаты, — пояснил Рультабий, — но из флигеля он выскользнул через окно прихожей...

— Еще раз вас спрашиваю: откуда вам это известно?

— Ах боже ты мой! Да что ж тут мудреного? Раз он не мог бежать через входную дверь флигеля, следовательно, он должен был уйти через окно, но для этого надо было найти хоть одно незарешеченное окно. Окно Желтой комнаты зарешечено, так как оно выходит в поле. Два других окна — в лаборатории — тоже зарешечены по той же самой причине. Раз убийца все-таки бежал, полагаю, ему удалось найти хоть одно окно без решетки, и это — окно прихожей, которое выходит в парк, то есть, иными словами, внутрь владения. Это дело нехитрое, так что догадаться совсем не трудно!

— Согласен, — сказал господин де Марке. — Но вот о чем вы никак не могли догадаться, так это о том, что окно прихожей, действительно единственное, на котором нет решетки, закрывается крепкими железными ставнями. *И представьте себе, эти железные ставни оказались заперты изнутри железными щеколдами, а между тем у нас есть доказательство, что убийца в самом деле бежал из флигеля именно через это окно!* Следы крови на внутренней стене и на ставнях, а также отпечатки ног на земле, полностью соответствующие тем, которые я снял в Желтой комнате, — все это неоспоримо свидетельствует о том, что убийца бежал именно через окно! Но в таком случае как ему это удалось? *Ведь ставни-то были заперты изнутри? Человек, словно тень, прошел сквозь ставни.* И все-таки самое ужасное не в этом. Да, следы убийцы, бежавшего из флигеля, обнаружены, а вот каким образом ему удалось выйти из Желтой комнаты, *да еще пересечь лабораторию, чтобы попасть в прихожую,* — этого понять никак нельзя! Ах, господин Рультабий, дело это и правда совершенно невероятное... Великолепное дело, в этом я с вами полностью согласен! И ключ к нему подберут не скоро, — по крайней мере, я на это надеюсь!

— Не понял, на что вы надеетесь, господин следователь.

— Я не то хотел сказать, — спохватился господин де Марке. — Просто мне так кажется...

— Значит, после бегства убийцы окно снова заперли изнутри? — спросил Рультабий.

— Выходит так. Во всяком случае, в настоящий момент другой версии нет, хотя и объяснения этому обстоятельству тоже пока не найдено, иначе напрашивается вывод о сообщнике или о сообщниках,

а я таких не вижу... — Помолчав немного, господин де Марке добавил: — Ах, если бы состояние мадемуазель Станжерсон хоть немного улучшилось, можно было бы расспросить ее сегодня...

Рультабий, упорно продолжая развивать свою мысль, снова спросил:

— Ну а чердак? На чердаке-то тоже должно иметься какое-то отверстие?

— Да, о нем я не упомянул. Стало быть, всего шесть отверстий. Наверху есть слуховое окно, и, так как оно выходит не в парк, а наружу, мадемуазель Станжерсон тоже приказала поставить на него решетку. На этом окошке, как и на окнах первого этажа, решетка осталась нетронутой, и ставни, которые открываются внутрь, были заперты изнутри. В общем, мы не обнаружили ничего такого, что подтвердило бы пребывание убийцы на чердаке.

— Значит, у вас, господин следователь, не остается сомнений в том, что убийца бежал — пускай неизвестно как — через окно в прихожей!

— Все говорит за это...

— Я тоже так думаю, — с важным видом согласился Рультабий и добавил: — Однако, если вы не нашли никаких следов убийцы на чердаке, похожих, например, на черные следы, которые обнаружены на полу в Желтой комнате, вы, очевидно, должны были прийти к выводу, что это не преступник украл револьвер папаши Жака...

— На чердаке нет других следов, кроме следов папаши Жака, — сказал судья, многозначительно покачав головой. Потом, словно решив развить свою мысль, произнес: — Папаша Жак находился в лаборатории с господином Станжерсоном... Его счастье...

— В таком случае *какова же роль* револьвера папаши Жака в этой драме? Ведь, насколько я понимаю, это оружие ранило вовсе не мадемуазель Станжерсон, а убийцу...

Не ответив на этот, видимо, затруднительный для него вопрос, господин де Марке сообщил нам, что обнаружены обе пули: одна — в той самой стене Желтой комнаты, где остался отпечаток окровавленной руки мужчины, другая — в потолке.

— О-о! В потолке! — тихонько повторил Рультабий. — В самом деле... в потолке! Любопытно, весьма любопытно... В потолке!

Весь остаток пути он молча курил, выпуская бесконечные кольца дыма. Когда мы прибыли в Эпине-сюр-Орж, я вынужден был хлопнуть

его по плечу, чтобы вывести из задумчивости и заставить спуститься с облаков на землю, а точнее... на перрон.

Там судебный следователь с секретарем поспешили распрощаться с нами, всячески давая понять, что мы им порядком надоели, затем торопливо сели в дожидавшийся их кабриолет и укатили.

— Сколько времени потребуется, чтобы добраться отсюда пешком до замка Гландье? — спросил Рультабий у железнодорожного служащего.

— Часа полтора, а если не торопясь, то и все два, — ответил тот.

Рультабий взглянул на небо и, верно, счел погоду благоприятной для себя, да и для меня, пожалуй, тоже, ибо, взяв меня под руку, заявил:

— Пошли! Мне необходимо пройтись.

— Ну как? — спросил я его. — Дело распутывается?

— О! — молвил он. — Какое там распутывается! *Запуталось еще больше, чем прежде!* Правда, у меня есть одна идея.

— Какая?

— О! Пока ничего не могу сказать... Моя идея — это вопрос жизни и смерти по крайней мере для двух людей.

— Вы полагаете, тут участвовали сообщники?

— Нет, не думаю...

Некоторое время мы молчали, потом он снова заговорил:

— Какая удача, что мы встретились с судебным следователем и его секретарем! Ну что я вам твердил насчет револьвера?! — Сунув руки в карманы, он шел, опустив голову и тихонько насвистывая. Потом я услышал, как он прошептал: — Бедная женщина!

— Вы жалеете мадемуазель Станжерсон?

— Да, это необычайно благородная женщина, достойная всяческого сожаления! У нее сильный, очень сильный характер... Так мне кажется... Так мне кажется...

— Значит, вы знакомы с мадемуазель Станжерсон?

— Нет, вовсе не знаком... Я видел ее один только раз.

— Почему же вы говорите, что у нее сильный характер?

— Потому что она сумела противостоять наглому убийце и храбро защищалась, а *главное... Главное, из-за пули в потолке.*

Я смотрел на Рультабия, мысленно задаваясь вопросом: уж не считает ли он меня за совершенного идиота? А может, он сам сошел с ума? Однако я прекрасно видел, что молодой человек был серьезен,

как никогда, и вовсе не собирался смеяться, а мысль, светившаяся в его маленьких круглых глазах, полностью успокоила меня относительно состояния его рассудка. И потом, я уже успел немного привыкнуть к его несвязным речам... несвязным для меня, считавшего их бессмысленными и непонятными лишь до той минуты, пока он не открывал мне ход своих мыслей, произнеся всего несколько коротких и внятных фраз. Тогда все внезапно прояснилось: слова, сказанные им прежде и казавшиеся мне лишенными всякого смысла, обретали вдруг поразительную ясность и логику, так что я и сам уже не мог взять в толк, почему не понимал этого раньше.

[2](#) *Порт-Сен-Мартен* — театр в Париже. Основан в 1781 г. на бульваре Тампль.

[3](#) *Одеон* — театр в Париже, основанный в 1797 г.

Глава IV На лоне дикой природы

Замок Гландье является одним из самых старинных замков исторического края, который именуется Иль-де-Франс, где сохранилось еще столько прославленных памятников эпохи феодализма. Построенный в лесной глуши во времена Филиппа Красивого, он открывается взору в нескольких сотнях метров от дороги, ведущей из деревни, которая носит имя святой Женевьевы Лесов, в Монлери. Скопление разрозненных строений венчает главная башня замка — донжон. Если какой-нибудь посетитель, преодолев шаткие ступени этой древней башни, выходит на маленькую площадку, где в XVII веке Жорж-Филибер де Секиньи, властитель Гландье, Мэзон-Нёв и других земель, повелел соорудить в отвратительном стиле рококо маленькую башенку, именуемую ныне «фонарь», он замечает горделиво возвышающуюся над полями и долами в трех лье оттуда крепостную башню Монлери. По прошествии стольких веков донжон и крепостная башня все еще смотрят друг на друга поверх зеленеющих лесов и сухого древостоя, словно рассказывая друг другу самые древние легенды французской истории. Говорят, будто донжон Гландье охраняет святую тень героической и доброй заступницы Парижа, пред которой отступил Аттила⁴. Там, в старинном рву, окружающем замок, покоится вечным сном святая Женевьева. Летом влюбленные, рассеянно бросив в траву корзинку с завтраком, приходят помечтать или обменяться клятвами пред могилой святой, благоговейно украшенной незабудками. Неподалеку от этой могилы есть колодец, по легенде — с чудодейственной водой. На этом месте исполненные благодарности матери воздвигли статую святой Женевьевы и развесили у ее ног маленькие башмачки или шапочки детей, спасенных священной влагой.

И вот здесь-то, в довольно диких местах, которые целиком, казалось бы, должны принадлежать прошлому, решили поселиться профессор Станжерсон и его дочь, дабы созидать науку будущего. Им сразу же понравилась уединенность лесной глуши, где за их трудами и надеждами могли следить только древние камни да столетние дубы. Гландье, в прошлом Гландьерум, назывался так потому, что в этих местах испокон веков собирали огромное количество желудей, а желудь по-французски и есть гланд. Земля эта, ныне печально

известная, из-за небрежности или нерадивости своих хозяев приобрела вид дикой, первобытной природы, и лишь таящиеся в ее дебрях замковые строения хранили следы странных преобразований. Каждый век оставлял на них свой отпечаток: какой-нибудь обломок зодчества, связанный с неким ужасным событием или кровавой историей, так что сам по себе этот замок, где надеялась найти прибежище наука, казалось, заранее был обречен стать ареной для разыгравшейся теперь мистерии ужаса и смерти.

После всего вышеизложенного я не могу не высказать одного соображения. А именно: если я задержался немного на этом печальном описании Гландье, то вовсе не потому, что нашел подходящий случай воссоздать необходимую атмосферу для драматических событий, которые будут происходить на глазах читателя. По правде говоря, первойшей моей заботой во всем этом деле будет стремление сохранять предельную простоту. Я вовсе не претендую на авторство. Когда говорится «автор», всегда в какой-то мере подразумевается «романист», а тайна Желтой комнаты, слава богу, сама по себе исполнена реального трагического ужаса и вполне может обойтись без всяких литературных прикрас. Я всего лишь достоверный рассказчик и желаю остаться именно таковым. Я должен рассказать о событии и располагаю его в надлежащем обрамлении, вот и все. Вы вправе знать, где все это происходило.

Итак, вернемся к господину Станжерсону. Когда он купил поместье, лет за пятнадцать до описываемых драматических событий, в Гландье уже давно никто не жил. Другой старинный замок в окрестностях, построенный Жаном де Бельмоном в XIV веке, тоже был всеми покинут, так что край этот можно назвать почти необитаемым. Несколько домишек возле дороги, ведущей в Корбе, маленькая харчевня под названием «Донжон», дававшая проезжим приют на короткое время, — вот примерно и все, что напоминало о цивилизации в этой заброшенной местности, которую никак не ожидаешь встретить в нескольких лье от столицы. Однако именно эта полная заброшенность и побудила господина Станжерсона и его дочь сделать окончательный выбор. Господин Станжерсон был уже к тому времени знаменит, он только что вернулся из Америки, где его исследования наделали много шума. Книга, которую он опубликовал в Филадельфии, относительно распада материи под воздействием электромагнитного

поля вызвала протест всего ученого мира. Господин Станжерсон был француз, но с американскими корнями. Важные наследственные дела в течение нескольких лет удерживали его в Соединенных Штатах. Но и там он продолжал начатую на родине работу, потом, получив большое наследство, вернулся обратно во Францию, чтобы завершить свой труд. Случилось это после того, как ему удалось выиграть дело в суде, а возможно, просто прийти к удачному соглашению. Богатство оказалось весьма кстати. Господину Станжерсону, который при желании мог бы зарабатывать миллионы, использовав или позволив использовать два-три из своих открытий в области химии для создания новой технологии окраски, всегда претило извлекать выгоду из того чудесного дара изобретательства, каким наделила его природа; он вовсе не считал свой талант личной собственностью. Из филантропических побуждений он отдавал его людям, и все, что породило его талант, шло на пользу общества. Поэтому он не скрывал своей радости, неожиданно получив огромное состояние, которое должно было позволить ему до последней минуты жизни отдаваться страстному служению чистой науке. Однако профессор, похоже, радовался этому еще и по другой причине. В тот момент, когда он вернулся из Америки и купил Гландье, его дочери, мадемуазель Станжерсон, было двадцать лет. Трудно себе представить, до чего она была красива, унаследовав от матери, которая умерла, дав ей жизнь, изящество парижанки, а от деда с отцовской стороны, Уильяма Станжерсона, все богатства молодой американской крови. Являясь гражданином Филадельфии, тот вынужден был принять французское подданство, выполняя волю семьи своей будущей жены, француженки, той самой, что впоследствии стала матерью знаменитого Станжерсона. Вот вам и объяснение, почему профессор Станжерсон считался французом.

Обворожительная двадцатилетняя блондинка с голубыми глазами, молочного цвета лицом, цветущая, завидного здоровья, Матильда Станжерсон считалась одной из самых красивых девушек на выданье и Старого и Нового Света. Несмотря на неизбежную горечь грядущей разлуки, отец просто обязан был позаботиться о ее замужестве, так что приданое пришлось весьма кстати. Тем не менее он по-прежнему скрывался со своей дочерью в Гландье, хотя друзья его ожидали, что он начнет вывозить мадемуазель Матильду в свет. Некоторые даже

специально приезжали к нему, чтобы выразить свое удивление. На вопросы, которые ему задавали, профессор неизменно отвечал: «Такова воля моей дочери. А я ни в чем не могу ей отказать. Она сама выбрала Гландье». Когда же об этом спрашивали молодую девушку, та спокойно возражала: «А где бы нам еще лучше работалось, чем в этом уединении?» Ибо мадемуазель Матильда Станжерсон уже тогда помогала отцу в его трудах, однако кто бы мог подумать, что ее страсть к науке дойдет до того, что она на протяжении пятнадцати лет станет упорно отклонять все возможные партии. При всей замкнутости своей жизни отец с дочерью вынуждены были иногда посещать официальные приемы и в определенное время года бывать у двух-трех друзей, и всякий раз слава профессора и красота Матильды неизменно производили сенсацию. Поначалу крайняя холодность молодой девушки нисколько не обескураживала воздыхателей, однако через несколько лет они, видно, устали. Лишь один с трогательным упорством продолжал настаивать, снискав себе прозвище «вечный жених», с которым он грустно смирился. Это был господин Робер Дарзак. Между тем мадемуазель Станжерсон была уже немолода, и, не испытав потребности выйти замуж до тридцати пяти лет, она, казалось, вряд ли могла решиться на этот шаг теперь. Однако для господина Робера Дарзака такое соображение не имело, по-видимому, ни малейшего значения, так как он продолжал свои ухаживания, если можно назвать таковыми ласковую и нежную заботу, которой он неустанно окружал тридцатипятилетнюю женщину, оставшуюся в девицах и заявившую, что никогда не выйдет замуж.

Вдруг, за несколько недель до описываемых событий, в Париже разнесся слух, которому вначале никто не придавал значения — настолько это казалось невероятным: мадемуазель Станжерсон соглашалась наконец воздать должное неугасимой пылкости господина Робера Дарзака! И только после того, как стало известно, что сам господин Робер Дарзак не спешит опровергать эти разговоры о предстоящей свадьбе, все сошлись на том, что, каким бы невероятным ни казался этот слух, в нем, возможно, есть доля истины. В конце концов в один прекрасный день господин Станжерсон после окончания заседания в Академии наук заявил во всеуслышание, что свадьба его дочери с господином Робером Дарзаком будет отпразднована в узком кругу в замке Гландье сразу же после того, как

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ